

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

КАПРИЗНАЯ
ЖЕНА

Сергей Патрушев
Капризная жена

«Автор»

2026

Патрушев С.

Капризная жена / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса замерзает в браке с могущественным ледяным магом Адамом. Он приносит ей золото, но не дарит тепла; запирается в мастерской, но не говорит о чувствах. Она устраивает скандалы, сбегает в метель, даже инсценирует похищение, лишь бы растопить его ледяное сердце. Когда в их жизнь вторгаются королевские интриги и месть огненного мага, Алиса понимает: любовь Адама не в словах, а в ледяных стенах, что защищают её от мира. Пройдя через ревность, отчаяние и битву стихий, она научится слышать его молчание. История о том, что настоящая страсть не всегда горит, иногда она замораживает, чтобы сохранить самое дорогое.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледяной дом и горячее сердце	5
Глава 2. Ревность к Снежной Деве	13
Глава 3. Сделка с королевским казначеем	21
Глава 4. Подарок не по размеру	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Патрушев

Капризная жена

Глава 1. Ледяной дом и горячее сердце

Пробуждение Алисы никогда не было мягким. Оно не походило на те нежные восходы, что описывают в дамских романах, когда солнечный луч скользит по ресницам, лаская веки, а в воздухе пахнет свежей выпечкой, летними травами и теплым молоком. Её пробуждение было резким, вырывающим из глубин беспокойного, липкого сна в реальность, которая казалась лишь продолжением кошмара. Первое, что она ощутила, еще не открыв глаз, — это холод. Он не был просто температурой. Он был сущностью этого дома, этого брака, всей её нынешней жизни. Он пробирался под тяжелое стеганое одеяло, подбитое мехом горностая, обвивал щиколотки, скользил по шелковым простыням, оставляя на них невидимую изморозь, и оседал тонкими кристалликами инея на кончиках её длинных ресниц. Холод просачивался сквозь камень стен, сквозь дерево пола, сквозь саму ткань мироздания, концентрируясь в этом месте, как в гигантской ледяной линзе.

Она резко села на кровати, судорожно вздохнув, словно вынырнув из ледяной проруби. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в висках. Огромная спальня тонула в голубоватом полумраке, словно подводный грот. Высокие стрельчатые окна были покрыты причудливыми ледяными узорами, сквозь которые утренний свет едва пробивался, окрашивая всё вокруг в болезненные, холодные тона. Он преломлялся в гранях ледяных кристаллов, рассыпаясь на тысячи бледно-голубых и сиреневых бликов, танцующих на стенах. Роскошь, окружавшая её, казалась изощренной насмешкой. Резная мебель из черного эбенового дерева, инкрустированная серебряными прожилками, отливала металлическим блеском. Тяжелые бархатные портьеры, расшитые лунным камнем и жемчугом, висели неподвижно, словно застывшие волны. Хрустальные вазы, в которых застыли, не увядая, но и не живя, ледяные скульптуры диковинных цветов, стояли на каждой поверхности. Всё это было создано магией её мужа, и всё это было пропитано его отстраненной, ледяной любовью. Любовью, которая проявлялась в форме, но не в содержании. В красоте, но не в тепле.

Сердце Алисы, вопреки окружающему холоду, горело. Оно полыхало обидой, разочарованием и глухим, изматывающим чувством вселенского одиночества. Оно было похоже на уголек, затерянный в бескрайней снежной пустыне. Она сжала пальцами край одеяла, чувствуя, как грубая ткань впивается в нежную кожу ладоней. Сегодня это было особенно невыносимо. Ночь она провела одна, ворочаясь в огромной, пустой постели, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу половиц, надеясь услышать знакомые шаги. Но Адам так и не пришел.

Он вообще редко приходил в последнее время. Его работа — служение королю, как он это называл с каким-то ожесточенным смирением — пожирала его время, его силы и, казалось, саму его душу, оставляя взамен лишь ледяную оболочку, которая с каждым днем становилась всё толще. Алиса ненавидела эту его «работу». Ненавидела короля с его бесконечными поручениями, требующими от Адама всё новых и новых затрат магии, иссушающих его, вытягивающих из него саму жизненную искру. Ненавидела этот дом, который её муж, один из сильнейших магов стихий во всем королевстве, а возможно, и во всем мире, превратил в

ледяной склеп. Но больше всего она ненавидела себя за то, что продолжает ждать, надеяться и обвинять. За то, что её собственная жизнь превратилась в бесконечное ожидание у двери, которая никогда не открывается.

За окном послышался глухой стук подков по замерзшей брусчатке. Этот звук, приглушенный снегом и расстоянием, был таким знакомым и таким желанным, что сердце пропустило удар, а потом забилося с удвоенной силой. Она снова откинула одеяло и, ступив босыми ногами на ледяной пол, невольно поморщилась от резкого холода, пронзившего ступни. Быстро накинув на плечи халат из тонкой, почти невесомой шерсти, она подошла к окну. Дыхание вырывалось из её рта облачками пара. Она приложила палец к замерзшему стеклу, протавив в узоре небольшой кружок, и выглянула наружу. У ворот их особняка остановился вороной жеребец, с морды которого срывались клубы густого пара, тут же замерзающие в воздухе мельчайшими кристалликами. Всадник спешил. Движения его были знакомыми — скупыми, точными, лишенными малейшей грации, но полными скрытой, сдерживаемой силы. Это был Адам.

Даже на расстоянии, сквозь морозную дымку, Алиса видела, как он устал. Его обычно прямая, как клинок, спина была слегка согнута под невидимой тяжестью. Плечи опущены. Он передал поводья подбежавшему конюху, коротко кивнул, не сказав, вероятно, ни слова, и направился к дому, не поднимая глаз на окна. Даже не посмотрел. Ни одного взгляда в сторону спальни, где его ждала жена. Ни одного намека на то, что он знает о её существовании. Этот жест — вернее, его полное отсутствие — ударил её сильнее, чем самый лютой мороз за окном.

Внутри Алисы что-то оборвалось и тут же закипело. Обида, накопившаяся за долгие ночи ожидания, за дни ледяного молчания, за месяцы этого странного, выхолащенного брака, поднялась удушливой волной, застилая глаза пеленой гнева. Она отошла от окна, чувствуя, как бешено колотится сердце, как горят щеки, как дрожат руки. Она ждала его. Сейчас он войдет, скажет что-нибудь, хоть слово, обнимет, согреет, развеет этот проклятый холод хотя бы на мгновение. Она слышала, как хлопнула входная дверь, как по коридорам прокатилось эхо его шагов. Тяжелых, размеренных, усталых. Шаги приближались к их покоям. Алиса замерла посреди комнаты, не дыша, прижав руку к груди, словно пытаясь унять бешеный стук сердца.

Дверь распахнулась. Адам шагнул внутрь, и вместе с ним в комнату ворвался поток еще более ледяного воздуха, словно сама зима следовала за ним по пятам. Он не посмотрел на неё. Его взгляд, потемневший от усталости, окруженный глубокими тенями, скользнул по комнате, ни на чём не задерживаясь. Его пальцы, побелевшие от мороза, разжались, и на туалетный столик из полированного морёного дуба с глухим, каким-то обреченным стуком упал кожаный мешочек. Он приземлился рядом с безделушками, которые Алиса купила на прошлой неделе, туго набитый, из его горловины блеснули несколько золотых монет, тускло сверкнув в полумраке. Звук упавшего мешочка был подобен удару хлыста в натянутой тишине.

Адам не остановился. Не подошел к ней. Не сказал ни слова приветствия. Он развернулся, чтобы уйти, даже не сняв плаща, с которого начали стекать капли воды, мгновенно застывающие в ледяные дорожки на полу. Он собирался уйти в свою башню, в свою проклятую ледяную мастерскую, как он делал всегда. Как ритуал, как неизбежность.

— Адам, — её голос, хриплый спросонья и от переполнявших чувств, прозвучал в тишине комнаты, как удар металла о стекло.

Он остановился на полпути, но не обернулся. Только напряглись его плечи под мокрым от растаявшего снега плащом. Эта остановка, это молчаливое ожидание, была хуже любого ответа. Она показывала, что он слышит её, но не хочет ни видеть, ни говорить.

— Ты даже не посмотришь на меня? — спросила она, и голос её дрогнул, выдавая всю ту слабость, которую она так отчаянно пыталась скрыть за маской гнева. Слова вырвались наружу, как пар из трещины во льду.

— Я смотрю, — ответил он, но его голос был таким же холодным и безжизненным, как и воздух вокруг. Он не смотрел. Слова были пустыми, формальными, брошенными через плечо, как монета нищему. В них не было ни тепла, ни желания увидеть.

— Нет, не смотришь! — Алиса сорвалась с места, босые ноги обожгло ледяным полом, но она не обратила на это внимания. Она подбежала к нему, схватила за рукав плаща, разворачивая к себе. Ткань была жесткой от мороза, обжигала пальцы, словно раскаленное железо. — Ты швырнул мне этот проклятый мешочек и даже не сказал «доброе утро»! Ты снова уходишь! Ты всегда уходишь!

Её глаза, полные слез ярости, встретились с его глазами. И то, что она увидела в них, заставило её на мгновение замолчать. Это было не то, что она ожидала. Там не было ни раздражения, ни злости, ни даже привычной отстраненности. Там была лишь бесконечная, нечеловеческая усталость, приправленная такой пустотой, что у Алисы перехватило дыхание. Под глазами Адама залегли глубокие, почти черные тени, кожа приобрела серовато-бледный оттенок, а в уголках губ пролегли горькие складки. Он похудел. Она вдруг остро осознала это. Он выглядел измученным до предела, как человек, который несет на своих плечах тяжесть всего ледяного неба.

Но злость, этот верный щит от боли, тут же захлестнула её с новой силой. Нет, она не будет оправдывать его! Она ждала его три дня! Три бесконечных дня и три ледяные ночи в этой огромной, пустой кровати. Она ждала тепла, ласки, хотя бы намек на то, что он всё еще любит её. А вместо этого он принес ей золото. Золото! Как будто это могло заменить его присутствие, его объятия, его шепот в темноте.

— Что это? — Она ткнула пальцем в сторону мешочка, лежащего на столике. Голос её звенел от сарказма и боли. — Плата за мое общество? Награда за мое терпение? Или, может, это стоимость нового платья, чтобы я могла развлекать себя, пока ты отсутствуешь?

Адам медленно, с видимым усилием, разжал её пальцы, вцепившиеся в его плащ. Его собственные руки были ледяными. Прикосновение его кожи к её коже было подобно прикосновению смерти. Она почувствовала этот холод даже сквозь свой гнев, и это заставило её вздрогнуть.

— Это деньги, Алиса, — сказал он, каждое слово давалось ему с трудом, словно он вытаскивал их из себя через силу. — На твой новый гардероб. Ты говорила, что хочешь его.

— Я не хочу новый гардероб! — крикнула она, срываясь на истерику. — Я хочу мужа! Я хочу, чтобы ты был рядом! Я хочу, чтобы ты обнял меня, а не заваливал золотом, как какую-то наемную танцовщицу!

Он вздрогнул, как от пощечины. В его глазах на секунду промелькнула боль, острая, как осколок льда, но тут же погасла, сменившись всё той же знакомой ледяной броней. Он молчал. Его молчание бесило её больше любых слов. Лучше бы он кричал, спорил, оправдывался! Но он стоял, как ледяная статуя, и смотрел на неё своими невозможными глазами, в которых теперь отражались только иней и пустота. Эта пустота была хуже всего. Она показывала, что он где-то далеко, в тех ледяных чертогах, куда ей никогда не было доступа.

— Ты не понимаешь, — наконец произнес он тихо. — Ты не понимаешь, чего мне это стоит.

— Чего тебе это стоит?! — Алиса задыхнулась от возмущения. — Тебе это стоит — провести ночь в своей башне, вдали от надоедливой жены! Ты мерзнешь, Адам! Ты сам давно превратился в кусок льда! Ты заморозил наш сад! Превратил наш дом в склеп! Ты заморозил всё, к чему прикасаешься! И меня тоже замораживаешь!

Она не выбирала слов. Вся боль, накопленная за месяцы, выплеснулась наружу, как лава из вулкана. Ей было всё равно, что она говорит. Она хотела сделать ему так же больно, как больно было ей. Она хотела, чтобы он почувствовал хоть что-то, хоть раз, вместо этой проклятой ледяной невозмутимости.

— Ты принес мне золото, но мне не нужно твое золото! Мне нужны твои объятия! Мне нужен твой смех! Мне нужно, чтобы ты, хотя бы раз, растопил этот чертов лед! Но ты не можешь! Ты не хочешь! Тебе плевать!

Адам не сводил с неё взгляда. С каждым её словом его лицо, казалось, становилось всё бледнее. Когда она замолчала, тяжело дыша, он перевел взгляд на окно, за которым сверкали на солнце замерзшие ветви деревьев. Его глаза, цвета грозового неба, казались сейчас такими же далекими и холодными, как это небо.

— Ты права, — сказал он, и в его голосе, лишенном всяких эмоций, прозвучала такая обреченность, что у Алисы снова перехватило дыхание. — Я приношу тебе золото. Потому что это единственное, что я могу тебе дать.

Он повернулся и направился к двери.

— Стой! — Алиса кинулась за ним, хватая за руку. — Не смей уходить! Объяснись! Что ты можешь мне дать? Ты, маг, способный превращать воду в хрусталь? Что ты можешь мне дать, кроме холода?

Он остановился, не оборачиваясь. Его рука, которую она держала, была напряжена, как натянутая тетива. Она чувствовала, как под его кожей, словно тиканье часов, бьется его пульс — медленный, слабый, но упрямый.

— Ты хочешь, чтобы я растопил лед в саду? — спросил он странным, задумчивым голосом.

— Да! — с вызовом ответила она. — Да, хочу! Растопи его! Верни в наш дом хоть немного тепла! Покажи, что ты жив! Что в тебе осталось хоть что-то, кроме магии и долга!

— Хорошо, — сказал он всё тем же ровным голосом. — Я растоплю.

Он высвободил свою руку из её хватки и пошел по коридору. Алиса, ошеломленная его внезапным согласием, на секунду замерла, не зная, что и думать. Неужели до него, наконец, достучались? Неужели её слова, пусть и жестокие, пробили брешь в этой ледяной стене? Она поспешила за ним, выглядывая в окна. Они вышли во двор. Морозный воздух обжег её лицо, но она не замечала этого, глядя, как Адам идет к их некогда прекрасному саду, сейчас напоминающему застывшую в стекле сказку. Каждое дерево, каждый куст были покрыты толстым слоем льда, сверкающего на утреннем солнце, как бриллианты. Это было красиво, но эта красота была мертвой, безжизненной, как музейный экспонат.

Он остановился в центре сада, окруженный сверкающими ледяными деревьями. Закрыв глаза. И начал. Алиса стояла на крыльце, затаив дыхание. Вокруг Адама начал виться легкий ветерок, который быстро набирал силу. Его пальцы, вытянутые вниз, задрожали. Он начал читать заклинание — тихое, монотонное, слова которого Алиса не понимала, но от которых по её коже бежали мурашки. Она смотрела, как от него во все стороны пошли волны тепла. Они были невидимыми, но их эффект был очевиден. Снег вокруг него начал таять, образуя черные проталины. С ветвей деревьев закапало, сначала робко, потом всё сильнее и сильнее. Лед трещал, лопался, срываясь с кустов кусками. Воздух наполнился влагой и странным, почти забытым запахом мокрой земли и прелой листвы. Это был запах жизни, пробивающейся сквозь зимний плен.

На лице Адама выступил пот, смешиваясь с талой водой, стекающей по лбу. Его дыхание участилось. Алиса видела, как напряжено всё его тело, как он борется с самой своей природой, заставляя лед отступать. Он делал это для неё. Он доказывал ей, что может. Её сердце сжалось от нахлынувшей нежности и стыда за свои резкие слова. Он устал, а она... А она заставила его работать еще больше. Она, в своем эгоизме, требовала от него чуда, не понимая, какую цену он за это платит.

Прошло, наверное, около получаса. Центр сада уже полностью освободился от льда, обнажив черную, раскисшую землю и промозглую, гниющую траву. Это было совсем не похоже на то цветущее великолепие, которое она помнила. Но это была жизнь. Это была реальность, а не ледяная иллюзия. Адам опустился на одно колено, тяжело опираясь рукой о землю. Его грудь вздымалась, он дышал рвано, со свистом. Он поднял глаза на Алису. В них, впервые за долгое время, она увидела не усталость, а отчаянную мольбу. Мольбу о понимании, о прощении, о том, что он сделал всё, что мог. Что он отдал всё, что у него было.

Но вместо того, чтобы подбежать к нему, обнять, сказать, что всё хорошо, Алиса стояла на месте, как вкопанная. Она смотрела на него, такого сломленного и в то же время такого сильного, и чувствовала, как к горлу подступают новые слезы. Только теперь это были слезы раскаяния. Она видела его жертву, но не знала, как на неё ответить.

— Адам... — прошептала она, делая шаг вперед.

Но он уже поднялся. Его лицо снова было отстраненным, хотя губы всё еще дрожали от перенапряжения. Он посмотрел на результат своих усилий — на мокрую, серую грязь, на облетевшие, скукоженные листья, на лужи талой воды, — и на его лице мелькнуло выражение, похожее на горечь.

— Ты хотела увидеть тепло, — произнес он, и голос его звучал глухо. — Вот оно. Мокрое, грязное и некрасивое. Это единственное тепло, на которое я способен.

Он развернулся и, не оглядываясь, направился в дом. Алиса стояла посреди двора, глядя ему вслед. Её трясло от холода, от переизбытка эмоций, от всего, что произошло. Она злилась. Снова. На себя, на него, на весь этот глупый мир. Она хотела устроить скандал, потому что в скандале было проще. Проще, чем смотреть в глаза его усталости и понимать, что она сама всё испортила. Проще, чем признать, что её муж, которого она считала бесчувственным ледяным истуканом, только что на пределе своих сил, разбивая свою собственную магию, старался подарить ей то, что она просила.

Она с вызовом думала о его словах. "Единственное, что я могу тебе дать". Она не понимала их смысла. Она видела лишь холод, лишь отстраненность, лишь золото. Она не понимала, что этот самый "ледяной" маг уже три дня не спал. Что он, вымотанный ночным заданием короля, по возвращении домой, вместо того чтобы упасть в постель, отправился в сад, чтобы колдовать по её прихоти. Что золото, которое он с таким пренебрежением бросил на столик, было оплачено не просто магией, а его силой, его временем, его здоровьем. Он выжигал себя, чтобы купить ей то, на что она могла бы смотреть, отвлекаясь от его отсутствия. Он давал ей то, что, по его мнению, она ценила больше всего — комфорт, роскошь, блеск. Потому что он сам, по его мнению, не мог дать ей ничего другого.

Алиса медленно пошла обратно в дом. Теперь, после его ухода, её злость, не имеющая объекта, начала рассеиваться, оставляя после себя только гулкую пустоту и ледяной ветер, гуляющий по коридорам. Она поднялась в спальню, остановилась у туалетного столика. Рядом с мешочком золота лежала её новая расческа с позолоченной ручкой и стоял флакон духов из далекой южной страны. Всё это приносил Адам. Он никогда не приходил с пустыми руками. Но он никогда не приходил и с теплом. Он приносил ей вещи, которые должны были заменить его самого. Он пытался купить её любовь, потому что не верил, что она может любить его просто так, без этих подношений.

Она взяла мешочек в руки. Он был тяжелым. Слишком тяжелым. Внезапно её охватило ужасное, леденящее душу подозрение. Она развязала кожаный шнурок и высыпала содержимое на столик. Золотые монеты, новые, блестящие, перемешались с какими-то странными кусочками льда, не тающего в комнатном тепле. Это была плата. Плата за магию. Кристаллы чистой энергии, застывшие в его собственной силе. Он не просто давал ей золото, он давал ей частицы себя, переплавленные в драгоценности, потому что по-другому уже не мог выразить свою привязанность. Он действительно отдавал ей последнее.

Она посмотрела на дверь, ведущую в его мастерскую. Из-за неё, казалось, даже сквозь толстое дерево сочился холод. Там сейчас был её муж. Один. Измученный. Она не могла туда пойти. Гордость не пускала. И страх. Страх увидеть в его глазах не злость, а отчуждение. Страх признать, что она, возможно, права.

Весь оставшийся день Алиса провела, бесцельно слоняясь по дому. Она заходила в гостиную, где в камине, растопленном из последних сил Адамом, весело потрескивал огонь, пытаясь согреть огромное пространство. Но холод от ледяных стен был сильнее. Она проходила мимо зимнего сада, где раньше росли экзотические цветы, а сейчас стояли лишь их ледяные копии. Она останавливалась у дверей в мастерскую Адама, но не решалась постучать. Она поднимала руку, замирала на мгновение, а потом опускала её, не в силах сделать этот шаг.

Она думала о его словах. "Ты не понимаешь, чего мне это стоит". "Это единственное, что я могу тебе дать". Что он имел в виду? Неужели он настолько поглощен своей работой, что у него не остаётся сил ни на что другое? Или дело в чём-то ином? Возможно, в той проклятой магии льда, что сковывала его сердце, его чувства? Алиса вспомнила его молодым, до того, как он стал Первым Магом Короля. Тогда в его глазах был смех, а его руки были теплыми. Тогда он мог обнять её просто так, без повода. Но король забирал его всё чаще. Задания становились всё опаснее. Магия, которую он использовал, всё глубже проникала в его душу, замораживая её.

Она вспомнила, как однажды, в порыве откровенности, он сказал ей: "Мой дар — это проклятие, Алиса. Я чувствую холод мира, и он отзывается во мне. С каждым заклинанием я отдаю ему часть себя. Однажды я просто не смогу согреться".

Тогда она посмеялась над ним, назвала его мрачным фантазером. А теперь... Теперь она видела, что он был прав. Он отгораживался от неё ледяной стеной не потому, что не любил её, а потому, что иначе не мог. Он просто не умел по-другому. Его тепло стоило ему невероятных усилий, и он отдавал его в виде золота, в виде заботы о её гардеробе, в виде этого холодного, но надежного, как вечный лед, дома.

Ночь наступила быстро. Алиса снова лежала в огромной кровати одна. Но теперь сон не шел. Она вглядывалась в темноту, прислушиваясь к тишине дома. Из мастерской Адама не доносилось ни звука. Она представила, как он сидит там, склонившись над очередным артефактом для короля, и его пальцы, сплетая ледяные нити, становятся всё холоднее. Она представила, как он, сторбившись, сидит в кресле, не в силах заснуть, потому что в его жилах течёт уже не кровь, а ледяная крошка.

Ей стало невыносимо больно. Злость окончательно ушла, уступив место глухому отчаянию. Она резко села, откинув одеяло. Нужно было что-то сделать. Попросить прощения? Ворваться в его башню и потребовать, чтобы он рассказал ей всё? Заставить его выпить горячего чая? Укрыть его пледом?

Она встала и, накинув халат, подошла к окну. За окном снова падал снег, медленно засыпая черные проталины, которые Адам с таким трудом создал утром. Природа снова брала своё, стирая все следы его мимолетной слабости. Алиса стояла и смотрела, как белые хлопья ложатся на ветви деревьев, как земля снова становится белой и чистой. Ей вдруг стало ясно, что это не он заморозил их сад. Это она заморозила его своим непониманием. Своими требованиями, своими истериками, своим эгоизмом. Она хотела тепла, не давая ничего взамен. Она хотела его любви, не понимая, что его любовь — это и есть тот самый холод, который защищает её от всего мира, который он так ненавидит.

Она босиком вышла в коридор. Пол был ледяным, обжигал ноги, но она не обращала внимания. Она остановилась у двери в его мастерскую. Поднесла руку к деревянной поверхности. От двери действительно веяло холодом, но это был не тот холод, что сковывал дом. Это была тихая, живая магия, пульсирующая, как сердце, только очень медленно и очень тихо. Она прижалась к двери лбом, закрывая глаза. Ей хотелось сейчас оказаться по ту сторону, оказаться рядом с ним. Но страх снова оттолкнул её. Страх, что он посмотрит на неё своим пустым, уставшим взглядом и скажет: "Что тебе нужно, Алиса? Ещё золота? Ещё растопленного льда?"

Нет. Она не могла. Она вернулась в спальню, легла в холодную постель и долго лежала, глядя в потолок, слушая, как где-то внизу, в недрах дома, тихо звенит лёд, создаваемый её мужем для благополучия королевства и для её собственного. Она вдруг поняла, что тоже не спала. Что она ждет его. Не с обвинениями, не с требованиями. Просто ждет. Просто хочет, чтобы он знал, что она рядом. Даже если между ними сейчас ледяная стена толщиной в вечность.

Когда первые лучи солнца окрасили ледяные узоры на окнах в розовый цвет, Алиса приняла решение. Она не будет больше кричать. Она не будет требовать. Она найдет способ растопить этот лед. Не магией, не скандалами. А чем-то другим. Чем-то, что было у неё в избытке, но что она так глупо растратила впустую. Теплом своего собственного сердца. Даже если для этого ей придется сначала согреть себя саму.

Она встала, умыла лицо ледяной водой, привела себя в порядок. Сегодня она не будет ждать его с укором. Она просто войдет в его мастерскую, поставит перед ним чашку горячего чая, укроет его плечи пледом и скажет: "Прости меня". И что бы он ни ответил, она не уйдет. Потому что за этим льдом, сковавшим их дом, скрывался не бесчувственный монстр, а её муж. Её Адам. Человек, который три дня не спал, зарабатывая на её новый гардероб, и который готов был растопить лед в саду, разрывая на части собственную магию, только чтобы доказать ей свою любовь. Она больше не будет слепой. Она увидит. И она заставит его увидеть, что она видит. Чего бы ей это ни стоило.

Глава 2. Ревность к Снежной Деве

Утро после бессонной ночи не принесло облегчения. Оно вообще редко приносило его в этом доме, где даже солнечные лучи, пробиваясь сквозь ледяные узоры на окнах, казались холодными и какими-то неживыми. Они не согревали, а лишь подчеркивали мертвенную белизну стен, придавая всему вокруг сходство с гигантским мавзолеем, воздвигнутым в честь какого-то неизвестного божества зимы. Алиса проснулась с тяжелой головой, словно налитой свинцом, и с еще более тяжелым сердцем.

Всю ночь она ворочалась, то проваливаясь в обрывки тревожных, липких снов, то резко просыпаясь от малейшего шороха, доносившегося из глубин дома. Этот дом никогда не был по-настоящему тихим: лед, из которого он был построен, жил своей собственной, скрытой жизнью. Он потрескивал, постанывал, вздыхал, переливался в лунном свете, словно дышал. Иногда Алисе казалось, что она слышит, как в стенах бегут тонкие ручейки талой воды, но, прикоснувшись к ним, она снова ощущала лишь сухой, обжигающий холод.

Решение, принятое на рассвете — пойти к Адаму, попросить прощения, поставить перед ним чашку горячего чая, заглянуть в его глаза и попытаться найти там хотя бы тень прежнего тепла — теперь, при свете дня, казалось ей наивным и почти невыполнимым. Гордость, этот старый, испытанный страж, снова подняла голову, нашептывая, что это он должен прийти первым, что это он виноват, что не она должна унижаться перед человеком, который не может подарить ей даже простого человеческого тепла. Гордость вообще была её единственной защитой в этом браке, который с каждым месяцем всё больше напоминал не союз двух любящих сердец, а какое-то чудовищное противостояние, в котором не было ни победителей, ни побежденных — только двое измученных, замерзших людей, утративших способность слышать друг друга.

Она долго лежала, глядя в потолок, на котором причудливые тени от ледяных кристаллов сплетались в фантастические узоры. Эти узоры напоминали ей то застывшие цветы, то диких зверей, то лица, искаженные болью. Ей казалось, что сам дом насмехается над ней, отражая её внутреннее смятение в своей ледяной геометрии. Она вспоминала, как впервые увидела этот дом. Тогда он показался ей чудом, воплощением сказки, о которой она грезила в детстве, читая старинные легенды о ледяных королях и их прекрасных пленницах. Она, дочь обедневшего дворянина, выросшая в маленьком, продуваемом всеми ветрами поместье, была очарована Адамом и его ледяным дворцом. Он казался ей загадочным, могущественным, непостижимым. Его холодность она принимала за сдержанность, за глубину, за знак избранности. Как же она ошибалась.

Одеяло, подбитое мехом, сбилось в ногах, и холод уже давно пробрался под тонкую ткань ночной сорочки, заставляя кожу покрываться мурашками. Но она не спешила вставать. Вставать означало начинать новый день, полный неопределенности, тоски и этой изматывающей, бесконечной борьбы с холодом, который исходил не только от стен, но и от человека, которого она любила больше всего на свете. Она любила его и ненавидела одновременно. Любила той первой, чистой любовью, которая поселилась в её сердце в день их свадьбы. И ненавидела за то, во что он превратил её — в бледную, измученную, вечно ревнующую женщину, которая вздрагивает от каждого шороха и готова расплакаться от одного неосторожного слова. Она не узнавала себя. Куда делась та веселая, живая, любопытная девушка, которая приехала сюда четыре

года назад с надеждой на счастье? Адам убил её. Не злобой, не жестокостью, а своим ледяным равнодушием, своим вечным отсутствием, своей одержимостью работой, магией, королем — всем, чем угодно, только не ею.

Наконец, осознав, что дальнейшее лежание лишь усугубляет её мрачное настроение, Алиса заставила себя подняться. Босые ноги коснулись ледяного пола, и она вздрогнула, но не от боли, а от какого-то болезненного узнавания. Этот холод был ей уже почти родным. Она знала каждую трещинку на этих ледяных плитах, каждый выступ, каждый скол. Она прошла к умывальнику, плеснула в лицо ледяной водой из хрустального кувшина. Вода обожгла, перехватила дыхание, но зато окончательно прогнала остатки сна. Посмотрев на себя в мутное от инея зеркало, Алиса увидела бледное лицо с темными кругами под глазами, потрескавшиеся губы и выражение какой-то затравленной решимости. Она выглядела так, будто провела ночь не в постели, а в ледяной пещере. Впрочем, так оно и было. Её кожа, некогда славившаяся своим здоровым румянцем, теперь была почти прозрачной, а глаза, прежде искрившиеся смехом, потускнели, словно их затянуло изморозью. Она провела пальцами по волосам, ощутив их ломкость и сухость. Этот дом вытягивал из неё жизнь, каплю за каплей, и она ничего не могла с этим поделать.

Она оделась медленно, без обычной тщательности. Выбрала простое шерстяное платье темно-синего цвета, отороченное серебристым мехом, — оно хотя бы немного согревало. Волосы, густые, темно-каштановые, она не стала укладывать в сложную прическу, а просто заплела в свободную косу, перекинув её через плечо. Сегодня ей было не до украшений и не до нарядов. Вся эта мишура, которую так щедро обеспечивал ей Адам, казалась теперь особенно бессмысленной. Какой смысл в красивом платье, если его некому оценить? Какой смысл в драгоценностях, если они холодны, как лед? Она перебирала в памяти все его подарки: ожерелья из сапфиров, напоминавших застывшие слезы, кольца с бриллиантами, сверкавшими, как осколки льда, меха, в которых она куталась, но всё равно не могла согреться. Он дарил ей только холод, даже в своих дарах. Он не понимал, что ей нужно не золото, не камни, не наряды. Ей нужен был он сам. Его присутствие, его внимание, его тепло. Но именно этого он не мог или не хотел ей дать.

Дом встретил её тишиной. Той особенной, густой, вязкой тишиной, которая бывает только в местах, где нет жизни. Алиса медленно шла по коридорам, ведя ладонью по ледяным стенам. Они были гладкими, как стекло, и такими же холодными. Ей казалось, что она идет по внутренностям какого-то гигантского ледяного зверя, проглотившего её целиком. Она миновала гостиную, где вчерашний огонь в камине давно погас, оставив после себя лишь кучку серого пепла. Прошла мимо столовой, где на длинном дубовом столе стояли нетронутые серебряные приборы. Никто не завтракал. Никто не ужинал. Этот дом был не для жизни. Он был для существования. Для холодного, размеренного, лишённого радости существования. Слуги двигались по нему бесшумно, как призраки, стараясь не попадаться на глаза. Они давно привыкли к холоду и к гнетущей атмосфере, царившей в этих стенах. Некоторые из них были здесь еще до того, как Адам построил этот дворец, и они помнили его другим — более живым, более человечным. Но они молчали. Все в этом доме молчали.

Её ноги сами принесли её к двери в мастерскую Адама. Она остановилась, не решаясь войти. Из-за двери, как всегда, веяло холодом, но сегодня к этому холоду примешивалось что-то еще. Какое-то напряжение, вибрирующее в воздухе. Алиса прислушалась. Изнутри не доносилось ни звука, но она чувствовала, что Адам там. Чувствовала его присутствие по едва уловимому изменению температуры, по легкому потрескиванию льда, по какому-то глубинному,

почти животному ощущению близости. Она знала его настолько хорошо, что могла определить его настроение по одному лишь тому, как колыхнется воздух в коридоре. И сейчас этот воздух был наэлектризован, словно перед грозой. Адам работал. Он всегда работал. Работа была его убежищем, его наркотиком, его способом убежать от реальности, от неё, от самого себя.

Алиса замерла, прижавшись спиной к ледяной стене. Она чувствовала, как холод проникает сквозь платье, но не двигалась. В её голове проносились обрывки воспоминаний. Вот Адам впервые приводит её в эту мастерскую, гордо показывая свои творения — удивительные ледяные скульптуры, которые, казалось, вот-вот оживут. Вот он объясняет ей принципы своей магии, рассказывает о том, как лед может хранить в себе память, чувства, даже души. Тогда она слушала его, затаив дыхание, восхищаясь его гением. Теперь же она видела в этой мастерской только свою тюрьму и своего тюремщика.

Она уже подняла руку, чтобы постучать, как вдруг услышала шаги внизу. Тяжелые, размеренные шаги слуги. Они приближались. Алиса отступила от двери, не желая, чтобы её застали стоящей здесь, как просительница. Она спустилась в холл и увидела дворецкого, старого Грегора, который нес в руках небольшой ларец, обернутый в темный бархат. Лицо старика было озабоченным, брови нахмурены, а губы плотно сжаты. Он всегда был немногословен, но сегодня его молчание казалось особенно тяжелым.

— Что это, Грегор? — спросила Алиса, стараясь придать своему голосу безразличный тон.

— Посылка из королевского дворца, миледи, — ответил дворецкий, слегка поклонившись. — Для господина Адама. Гонец сказал, что это срочно.

Сердце Алисы упало. Снова король. Снова эти бесконечные поручения, которые отнимают у неё мужа. Она почувствовала прилив злости, такой знакомой и такой беспомощной. Этот король, о котором она знала лишь понаслышке, стал для неё личным врагом. Он был невидимой силой, которая тянула Адама прочь от неё, заставляя его забывать о том, что у него есть жена, дом, жизнь. Она представляла его себе как безликого паука, сидящего в центре огромной паутины, и Адам был одной из мух, запутавшихся в его нитях.

— Оставьте, — сказала она резко. — Я сама отнесу ему.

Грегор колебался мгновение, и в его глазах промелькнуло сомнение. Он знал, что господин не любит, когда его беспокоят в мастерской, и особенно не любит, когда туда входит госпожа. Но Алиса смотрела на него с такой решимостью, что он не посмел возразить. Он передал ей ларец. Тот оказался тяжелым, гораздо тяжелее, чем казался на вид, и от него исходил странный, едва уловимый холод, который проникал сквозь бархат и обжигал ладони. Алиса вздрогнула, но не подала виду.

— Хорошо, миледи, — сказал Грегор и удалился, шаркая ногами по каменному полу.

Алиса осталась одна в холле, прижимая к груди загадочный ларец. Он казался ей живым, пульсирующим какой-то темной, холодной энергией. Ей стало не по себе. Что это за артефакт? Что на этот раз потребует от её мужа король? Она вспомнила все те ночи, когда Адам не приходил в спальню, оставаясь в мастерской до рассвета. Вспомнила его бледное, изможденное лицо, его дрожащие руки, его отстраненный взгляд. Она знала, что работа истощает его, но не

понимала, почему он не может отказаться. Неужели король имеет над ним такую власть? Или дело не в короле, а в самом Адаме, который предпочитает ледяные скульптуры живой жене?

Она решительно направилась к мастерской. На этот раз она не будет стоять под дверью, как робкая девица. Она войдет и увидит всё своими глазами. Она имеет право знать, что происходит в её собственном доме. Она имеет право знать, чему её муж отдает свою жизнь.

Она не постучала. Просто толкнула дверь, которая, к её удивлению, оказалась незапертой. Дверь бесшумно распахнулась, и Алиса шагнула внутрь, в царство своего мужа. В царство льда.

Мастерская Адама была огромной, занимавшей весь верхний этаж башни. Она представляла собой круглое помещение с высоким куполообразным потолком, который, казалось, терялся в полумраке. Вдоль стен тянулись бесконечные полки, уставленные книгами в кожаных переплетах, свитками, пузырьками с загадочными субстанциями и инструментами, назначения которых Алиса не знала. В воздухе пахло озоном, как после грозы, и чем-то сладковатым, напоминавшим запах увядающих цветов. В центре комнаты возвышался большой стол из черного камня, на котором в беспорядке лежали куски льда, кристаллы, металлические пластины и какие-то сложные механизмы. Но всё это было лишь фоном.

Главное, что приковало к себе взгляд Алисы, находилось в дальнем конце мастерской, в специально отгороженной нише, освещенной холодным голубоватым светом, исходящим, казалось, из ниоткуда. Там стояла статуя. Вернее, это была не просто статуя. Это было нечто большее.

Алиса замерла на пороге, не в силах отвести взгляд. В нише, на невысоком постаменте из прозрачного льда, стояла женщина. Она была прекрасна той особенной, неземной красотой, которая заставляет сердце замирать, а дыхание — прерываться. Её фигура, облаченная в струящиеся одежды, вырезанные из того же льда, казалась почти живой. Каждая складка, каждый изгиб были выполнены с поразительной точностью. Казалось, что ткань вот-вот заколыхнется от невидимого ветра, что грудь вздохнет, что ресницы дрогнут. Лицо женщины было обращено к Алисе, и в его чертах читалось выражение какого-то загадочного, отстраненного спокойствия. Глаза, широко распахнутые, смотрели прямо перед собой, но в них не было пустоты. В них была глубина, манящая и пугающая одновременно. Её длинные волосы, казалось, струились по плечам, переливаясь в голубоватом свете, словно вода, застывшая на морозе. Алиса не могла понять, из какого материала они сделаны — настолько тонкой и изящной была работа. Казалось, что если к ним прикоснуться, они рассыплются в пыль.

И над этой женщиной, склонившись, стоял Адам. Он был так поглощен своим занятием, что не заметил вошедшую Алису. Его руки, покрытые инеем, парили над поверхностью статуи, и от его пальцев к ледяной фигуре тянулись тонкие, едва видимые нити магии. Они переливались всеми оттенками синего и белого, пульсируя в такт его дыханию. Он что-то шептал, беззвучно шевеля губами, и лицо его выражало такую сосредоточенность, такое самозабвенное внимание, какого Алиса не видела у него уже очень давно. Он смотрел на эту ледяную женщину так, как должен был бы смотреть на свою живую жену. В его взгляде было обожание, смешанное с благоговением, страсть, смешанная со страхом. Это был взгляд творца, созерцающего своё совершенное творение. И это был взгляд мужчины, потерявшего голову от красоты.

Внутри Алисы словно что-то сломалось. Ларец, который она всё еще прижимала к груди, показался ей вдруг свинцовым. Ревность — это была не просто вспышка, это был всепоглощающий, разрушительный пожар, который за одно мгновение испепелил все её благие намерения, все её раскаяние, всю её решимость быть терпеливой и понимающей. Она увидела перед собой не просто статую. Она увидела соперницу. Ледяную, бездушную, но от этого не менее опасную соперницу, которой её муж отдавал всё свое внимание, всю свою магию, всю свою любовь. Всё то, что по праву принадлежало ей.

— Адам! — её голос прозвучал как выстрел в тишине мастерской. Он был резким, звенящим от ярости и боли.

Адам вздрогнул, словно очнувшись ото сна. Он резко обернулся, и на его лице мелькнуло выражение растерянности, которое тут же сменилось знакомой ледяной маской. Он посмотрел на Алису, потом на ларец в её руках, потом снова на статую, и его глаза потемнели. В них отразилось что-то, похожее на чувство вины, но оно исчезло так быстро, что Алиса не успела его зафиксировать.

— Алиса, — произнес он, и в его голосе слышалась усталость, смешанная с раздражением. — Ты не должна была входить сюда без стука.

— Не должна?! — Алиса сделала шаг вперед, и её голос сорвался на крик. — Я твоя жена! Я имею право входить куда угодно! И я имею право знать, чем ты занимаешься! И я вижу! Я вижу, чем ты занимаешься! Ты часами торчишь здесь, в своей ледяной башне, и кого же ты создаешь? Кого ты вытачиваешь с такой любовью, с таким усердием? Свою ледяную любовницу?!

Она указала дрожащей рукой на статую. Слова срывались с её губ, обжигая, как кислота. Она не контролировала себя. Вся та боль, что копилась месяцами, выплеснулась наружу, превратившись в безобразную сцену ревности. Она чувствовала, как по щекам текут слезы, но не могла их остановить. Они были горячими, почти обжигающими на фоне ледяного холода мастерской.

— Ты смотришь на неё так, как никогда не смотришь на меня! — продолжала она, захлебываясь слезами. — Ты отдаешь ей всю свою магию! Всё свое время! Всё, что должно принадлежать мне! А мне ты приносишь только золото! Только жалкие подачки! Ты променял меня на кусок льда! Ты променял живую женщину на бездушную куклу!

Адам стоял неподвижно, слушая её обвинения. Его лицо было бледным, как мел, а в глазах, казалось, отражался холодный блеск статуи. Он не пытался её перебить, не пытался оправдаться. Он просто стоял и смотрел на неё, и это молчание бесило Алису еще больше. Ей казалось, что он смотрит сквозь неё, как будто её нет, как будто она такая же прозрачная, как его ледяная статуя. Это было невыносимо.

— Скажи что-нибудь! — закричала она. — Отрицай! Скажи, что я не права! Скажи, что это просто работа! Скажи, что она ничего для тебя не значит! Скажи мне хоть слово, черт тебя возьми!

Её крик разнесся по мастерской, ударился о ледяные стены и замер, поглощенный холодом. Адам молчал. Его молчание было красноречивее любых слов. Он не мог ей ничего ска-

зять. Не мог, потому что она была права. И это осознание пришло к нему с такой ясностью, что на мгновение ему стало трудно дышать.

Алиса, доведенная до отчаяния его молчанием, сделала то, о чем потом будет жалеть. Её рука, всё ещё сжимавшая ларец, разжалась, и тяжелая шкатулка упала на пол с глухим стуком. Крышка приоткрылась, и изнутри вырвался клуб холодного тумана. Но Алиса не обратила на это внимания. Она, ослепленная яростью, схватила первую попавшуюся вещь — это была хрустальная ваза, стоявшая на краю стола, — и с размаху швырнула её об пол. Ваза разлетелась вдребезги, осыпав пол тысячей сверкающих осколков. Звук бьющегося стекла эхом прокатился по мастерской, ударился о ледяные стены и замер, поглощенный холодом.

— Вот что я думаю о твоей работе! О твоём искусстве! О твоей проклятой магии! — выкрикнула Алиса и, не в силах больше сдерживать рыдания, развернулась и выбежала из мастерской.

Она бежала по коридорам, не разбирая дороги, слезы застилали ей глаза. Она слышала, как за её спиной раздался какой-то звук — то ли скрип, то ли треск, — но не обернулась. Ей было всё равно. Ей хотелось только одного — убежать как можно дальше от этого ледяного дома, от этого ледяного мужа, от этой проклятой ледяной женщины, которая отняла у неё всё.

Она вбежала в спальню и, упав на кровать, дала волю слезам. Она рыдала так, как не рыдала уже давно — навзрыд, захлебываясь, сотрясаясь всем телом. В её голове роились обрывки мыслей, образов, обвинений. Она вспоминала его взгляд, устремленный на статую, его руки, парящие над ледяной фигурой, его сосредоточенное лицо. И от этого воспоминания её сердце разрывалось на части.

Почему он не смотрит так на неё? Почему он не может отдать ей хотя бы малую толику того внимания, которое он отдает этой бездушной кукле? Неужели она, живая, теплая, любящая женщина, значит для него меньше, чем кусок льда? Эти вопросы терзали её, не давая успокоиться. Она плакала до тех пор, пока слезы не иссякли, оставив после себя только опустошение и тупую, ноющую боль в груди.

Она лежала на кровати, уставившись в потолок, и думала о том, как дошла до такой жизни. Она вспоминала свою юность, своих родителей, свой дом. Вспоминала, как мечтала о большой любви, о приключениях, о счастье. И вот теперь она здесь, запертая в ледяном дворце, с мужем, который предпочитает ей статую. Что стало с её мечтами? Они замерзли, превратились в лед, как и всё в этом проклятом доме.

Когда Алиса наконец смогла подняться, за окнами уже сгущались сумерки. Серый, мутный свет зимнего дня сменялся темнотой, и в комнате становилось всё холоднее. Она подошла к окну и выглянула наружу. Снегопад, начавшийся вчера, продолжался. Крупные хлопья медленно кружились в воздухе, застилая всё белой пеленой. Ей вдруг нестерпимо захотелось уйти из этого дома. Уехать в город, к людям, к теплу, к жизни. Она не могла больше оставаться здесь, в этом ледяном склепе, наедине со своей болью.

Она решительно направилась к двери, накинув на плечи теплый плащ и схватив перчатки. Но когда она взялась за дверную ручку и потянула её на себя, дверь не поддавалась. Она дернула сильнее — тот же результат. Дверь была заперта. Или, что более вероятно, заморожена.

Алиса похолодела. Она снова дернула ручку, изо всех сил налегая на дверь. Бесполезно. Дверь словно срослась с дверной коробкой, превратившись в единый кусок льда. Она поняла: это Адам. Это он заморозил дверь. Чтобы она не ушла. Чтобы удержать её здесь, как пленницу.

Ярость, которая было утихла, вспыхнула с новой силой. Он даже не пришел за ней! Не попытался утешить, объяснить, остановить! Вместо этого он просто запер её, как непослушного ребенка, лишив последней возможности вырваться из этого ада! Это было последней каплей.

— Адам! — закричала она, колотя кулаками по ледяной двери. — Открой! Немедленно открой! Ты не имеешь права! Выпусти меня! Я не твоя пленница!

Её крики разносились по пустому дому, но ответа не было. Только ледяная тишина, которая, казалось, издевалась над ней. Алиса зарыдала снова, теперь от бессильной злобы. Она была в ловушке. В ловушке, которую построил для неё человек, который должен был быть её защитником и опорой. Она медленно сползла по двери на пол, обхватив колени руками. Холод проникал сквозь плащ, но она не чувствовала его. Её сердце было холоднее.

Она сидела так долго, раскачиваясь из стороны в сторону, как ребенок, который пытается себя утешить. В её голове проносились самые мрачные мысли. Она думала о том, что, возможно, Адам никогда не любил её. Возможно, он женился на ней только потому, что так было нужно королю, или его семье, или каким-то тайным обстоятельствам, о которых она не знала. Возможно, она была для него лишь удобным приложением, очередным аксессуаром в его ледяном дворце. От этих мыслей ей становилось еще холоднее.

Где-то в глубине дома, в своей мастерской, Адам стоял перед ледяной статуей, и его лицо было искажено мукой. Он слышал её крики, её рыдания. Каждое её слово вонзалось в него, как осколок разбитой вазы. Но он ничего не мог поделать. Он не мог объяснить ей, что эта статуя — не соперница, а всего лишь артефакт, очередное задание короля, очередное звено в цепи его рабства. Он не мог сказать ей, что каждое его заклинание, направленное на создание этой «Снежной Девы», как её называли при дворе, отнимает у него частицу души, замораживая её навсегда. Он не мог сказать ей, что золото, которое он ей приносит, — это плата за эту самую душу.

Он не мог ей сказать, что работает над этой статуей не по своей воле. Что король, узнавший о его магии, держит его в ежовых рукавицах, угрожая не только ему, но и ей, Алисе. Что эта «Снежная Дева» — не просто скульптура, а оружие, которое король намерен использовать в своих политических играх. И что если Адам откажется, то Алиса окажется в опасности. Он не мог ей этого сказать, потому что знал: она бы не поверила. Или, что еще хуже, поверила бы и попыталась бы вмешаться, подвергая себя риску.

Алиса, сидя на холодном полу, не могла этого знать. Она знала только, что её муж предпочел ей ледяную статую. И это знание было для неё страшнее любого мороза.

Она поднялась, шатаясь, и подошла к окну. Снег за окном не прекращался. Город, до которого было всего полчаса езды, казался теперь недостижимым. Она была заперта в ледяной клетке со своим горем, со своей ревностью и с ледяным молчанием человека, который когда-то обещал любить её вечно. И в этот момент Алиса впервые подумала, что, возможно, его любовь и есть этот самый лед. Холодный, красивый, но убивающий всё живое. И она не знала, сможет

ли выжить в этом холоде. Или же сама превратится в ледяную статую, такую же прекрасную и такую же мертвую, как та, что стояла в мастерской её мужа.

Она прижалась лбом к холодному стеклу, чувствуя, как мороз обжигает кожу. Слезы снова покатались по её щекам, но на этот раз они были тихими, беззвучными. Это были слезы смирения, слезы принятия. Она поняла, что застряла здесь надолго. Что ей придется научиться жить с этим холодом, с этой ревностью, с этим молчанием. Или не научиться. И тогда лед поглотит её окончательно.

Где-то внизу, в глубине дома, раздался едва слышный звук. Это был тот же самый треск, который она слышала раньше, но теперь он был громче, настойчивее. Алиса подняла голову и прислушалась. Звук доносился из мастерской. Это был звук раскалывающегося льда. Звук, который она никогда раньше не слышала в этом доме. И от этого звука по её спине пробежал холодок, гораздо более ледяной, чем все морозы этого проклятого дворца.

Она не знала, что происходит. Но она чувствовала, что что-то изменилось. Что-то сдвинулось с места. И это что-то было связано с той ледяной женщиной, которая стояла в мастерской её мужа. С той, кого она так ненавидела и кого так боялась. Снежная Дева пробуждалась.

Глава 3. Сделка с королевским казначеем

Прошло три дня. Три бесконечно долгих, серых, наполненных ледяным молчанием дня, каждый из которых тянулся, словно вечность, отмеряемая не часами, а ударами её собственного сердца — глухими, тяжелыми, болезненными. Алиса провела эти дни, словно в полусне, перемещаясь по дому, как призрак, как тень самой себя. Она не разговаривала с Адамом. Он, впрочем, тоже не искал с ней разговора, и это молчание было красноречивее любых слов. Они существовали параллельно, в одном пространстве, но в совершенно разных, не пересекающихся измерениях, словно два ледяных айсберга, дрейфующих в одном холодном море, но никогда не соприкасающихся друг с другом.

Каждое утро, просыпаясь в холодной постели, она находила на туалетном столике неизменный кожаный мешочек с золотом — знак того, что он снова уходил и снова возвращался, оставаясь при этом невидимым, неуловимым, как порыв ледяного ветра. Мешочек этот был тяжелым, полновесным, но в его тяжести не было ничего утешительного. Это было золото молчания, плата за её добровольное заточение, за её превращение в красивую вещь, которую можно купить и содержать, но которую не нужно понимать. Алиса брала этот мешочек, взвешивала его на ладони, и каждый раз ей казалось, что вместе с золотом она взвешивает и своё унижение. Но самого Адама она не видела. Он приходил и уходил, как тень, как дыхание зимы, не оставляя после себя ничего, кроме холода и этих проклятых монет, блестевших в сером утреннем свете с каким-то издевательским равнодушием.

Дверь в спальню больше не была заморожена. Проснувшись наутро после той ужасной сцены, Алиса обнаружила, что дверь свободно поддается, и это открытие наполнило её не облегчением, а новой, ещё более острой болью. Адам, очевидно, снял своё заклятие так же молча, как и наложил его, не сказав ни слова, не сделав ни единого жеста, который мог бы быть истолкован как извинение или хотя бы попытка объяснения. Это было хуже всего. Он не извинился, не объяснился, не попытался поговорить. Он просто вернул ей свободу передвижения в пределах этого ледяного мавзолея, словно говоря всем своим видом: «Иди куда хочешь, но от меня не уйдешь». Или, может быть, он просто не хотел лишнего шума, лишних сцен, лишних женских истерик. Алиса не знала. Она перестала пытаться его понять, потому что каждая такая попытка разбивалась о стену его ледяного безразличия, оставляя в её душе новые трещины. Вся её энергия, вся её боль, вся её ревность, вся её обида — всё это требовало выхода, искало какое-то русло, по которому можно было бы направить этот бушующий поток эмоций, и она нашла его в решении, которое зрело в ней исподволь, пока она бесцельно бродила по холодным коридорам, касаясь пальцами заиндевевших стен и мечтая о чём-то, чего сама не могла до конца сформулировать.

Она больше не будет просто «красивой куклой». Эта мысль, сначала смутная, неоформленная, постепенно выкристаллизовалась в её сознании в нечто твердое и неоспоримое, как алмаз. Она больше не будет сидеть сложа руки, ожидая, когда её муж соизволит обратить на неё внимание, когда он соизволит заметить в ней нечто большее, чем просто красивую женщину, живущую в его доме. Она докажет ему — и, что важнее, самой себе, — что она тоже чего-то стоит. Что она способна на нечто большее, чем просто принимать золото, устраивать сцены ревности и чахнуть от тоски в этих ледяных стенах. Она была не просто женой могущественного мага, не просто приложением к его силе и власти. Она была Алисой. Отдельной личностью, со своими желаниями, своими мечтами, своими талантами. И у неё был свой дар,

свой собственный, уникальный талант, который она так долго прятала, стыдясь его кажущейся бесполезности, его несоответствия этому холодному, прагматичному миру.

Её даром было рукоделие. Но не простое, каким владеют многие благородные дамы, коротающие долгие зимние вечера за пальцами. Нет, её дар был иного, высшего порядка. Алиса умела вышивать так, как не умел никто во всём королевстве. Её игла была не просто инструментом — она была продолжением её души, проводником, через который её внутренний мир, полный красок, тепла и жизни, выплескивался на ткань. Она создавала на полотне целые миры — цветущие сады, где каждый лепесток, казалось, трепетал под невидимым ветерком, диковинных птиц с переливающимся оперением, фантастические пейзажи, рожденные её воображением, — и каждое её творение, казалось, дышало жизнью, было наполнено той самой энергией, которой так не хватало в её собственном существовании. Её стежки были настолько тонкими и точными, что вышитые цветы, казалось, вот-вот зашевелиятся под легким ветерком, а вышитые животные — вот-вот сойдут с полотна и отправятся бродить по дому. Она могла передавать малейшие оттенки цвета, мельчайшие детали, невидимые обычному глазу, создавая иллюзию реальности, которая граничила с волшебством. Это был её собственный вид магии, рожденный не из ледяных стихий, не из заклинаний и рунных знаков, а из тепла её сердца, из глубины её души.

В этом и заключалась проблема. В этом и заключалась ирония её положения. Её вышивки были пронизаны теплом. Они были живыми, яркими, дышащими, полными солнечного света и летнего зноя. И они совершенно не вписывались в холодный, монохромный мир её мужа. Адам никогда не интересовался её рукоделием. Он, вероятно, считал это пустой тратой времени, женским капризом, бесполезным занятием, не приносящим ни власти, ни золота. Алиса же всегда чувствовала, что в её вышивках заключена частица её самой, которую она отчаянно желала отдать кому-то, кто сможет это оценить. Но Адаму это было не нужно. Ему нужна была лишь её покорность, её присутствие в этом ледяном доме, её молчаливое согласие быть его женой — и ничего больше. И это осознание, это понимание собственной ненужности, было, пожалуй, самым болезненным из всего, что ей довелось пережить.

Теперь же она решила, что её вышивки могут принести ей нечто иное — нечто, чего она никогда не имела и о чём всегда втайне мечтала. Независимость. Свободу. Возможность самой распоряжаться своей жизнью, не зависеть от милости мужа, от его золотых мешочков, от его ледяного равнодушия. Она слышала, что в городе, при дворе короля, очень ценятся уникальные вещи ручной работы. Богатые купцы и знатные лорды готовы платить огромные деньги за платья, расшитые искусной мастерицей, за аксессуары, которые подчеркивали бы их статус и богатство. А её работы были несомненно искусными. Они были лучше, чем всё, что она видела на придворных дамах, лучше, чем работы самых прославленных столичных мастериц. И если Адам мог продавать свою магию, чтобы приносить ей золото, то почему она не может продавать свою? Почему она должна оставаться лишь потребительницей его щедрости, если у неё есть свой собственный источник дохода, свой собственный талант, который она может обратить в звонкую монету?

Она начала тайно. В течение этих трех дней, пока Адам отсутствовал, пока дом был погружен в свою обычную ледяную тишину, она достала из сундука свои лучшие работы — те, что хранила как сокровища, не решаясь никому показать. Платок с вышитыми на нём райскими птицами, чей хвост переливался всеми цветами радуги, каждая перышко которого было вышито с такой точностью, что, казалось, вот-вот вспыхнет и засияет. Накидку, украшенную тончайшим узором из виноградных лоз и роз, где каждый листик, каждый шип, каждый лепе-

сток был проработан с ювелирной тщательностью. И небольшой кошелек, на котором был вышит единорог, стоящий на фоне горного пейзажа, — символ чистоты и свободы, как будто она сама, сама того не осознавая, вложила в эту работу свою тайную мечту. Она аккуратно сложила эти вещи в простую дорожную сумку, стараясь не привлекать внимания слуг, которые, впрочем, давно уже привыкли не замечать странностей своей госпожи. Никто не должен был знать о её плане. Никто не должен был догадаться о том, что она задумала. Особенно Адам. Его гнев, его ледяное неодобрение — вот чего она боялась больше всего. Но ещё больше она боялась того, что если он узнает, то просто высмеет её, уничтожит её мечту одним своим холодным, равнодушным взглядом.

Сегодня, когда серое небо за окном снова обещало снегопад, когда тяжелые свинцовые тучи нависали над городом, словно предвещая бурю, Алиса решилась. Она надела самое простое и теплое платье, которое только смогла найти в своём гардеробе, накинула на плечи плащ с капюшоном, скрывающий её лицо, и, глубоко вздохнув, выскользнула из дома через боковую дверь, которую, как она знала, слуги обычно оставляли незапертой до полудня. Она не взяла с собой ни слуг, ни сопровождения, ни даже кареты. Она хотела быть незаметной. Она хотела сама, своими силами, своими ногами, пройти этот путь и добиться того, что задумала. Это было её маленькое путешествие, её личный подвиг, и она не хотела делить его ни с кем.

Город встретил её шумом, суетой и запахами, от которых она успела отвыкнуть за время своего добровольного заточения в ледяном особняке. Пахло дымом из печных труб, поднимавшимся к небу серыми, ленивыми столбами; пахло свежееиспеченным хлебом, доносившимся из открытых дверей пекарен; пахло лошадиным навозом, смешанным с мокрым снегом, хлюпавшим под ногами прохожих. Всё это было грубо, приземлено, лишено той стерильной чистоты, к которой она привыкла в доме Адама, но в то же время невероятно живо, наполнено движением, энергией, самой сутью жизни. Алиса шла по мощенным булыжником улицам, лавируя между повозками, торговцами, кричащими свои цены, и спешащими по своим делам прохожими, и чувствовала, как её сердце, скованное льдом последних дней, начинает биться быстрее, как кровь быстрее бежит по венам. Она была свободна. Пусть ненадолго, пусть тайно, пусть украдкой, но свободна. И это чувство свободы, такое простое и такое пьянящее, наполняло её силой и решимостью.

Она знала, куда идти. Ей был нужен королевский казначей, человек по имени господин Блэквуд, о котором она много слышала от служанок и от случайных разговоров, долетавших до её ушей. Он славился своим тонким вкусом и умением оценивать редкие вещи, отличать подлинное искусство от дешевой подделки. Алиса слышала, что он часто приобретает уникальные изделия для королевского двора и платит за них щедро, не скупясь на золото, если вещь действительно того заслуживает. Найти его было несложно. Его дом, высокий и мрачный, стоял на одной из центральных площадей, неподалеку от королевского дворца, возвышаясь над окружающими зданиями, как символ его власти и положения.

Алиса остановилась перед массивной дубовой дверью, украшенной резными узорами в виде виноградных лоз — ироническое совпадение с её собственной работой. Сердце её колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть наружу. Она сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках, которые сжимали сумку так крепко, что костяшки пальцев побелели, и постучала. Звук удара о дерево прозвучал в её ушах, как удар судьбы. Дверь открыл слуга, высокий, сухопарый, с непроницаемым лицом, на котором не отражалось ни одной эмоции. Алиса назвалась вымышленным именем — леди Элизабет из восточных земель, — придуманным ею заранее, и попросила аудиенции у господина Блэквуда по делу, касающемуся редких изделий

ручной работы. Голос её звучал, как ей казалось, слишком тонко и неуверенно, но слуга, к её удивлению, не задал никаких лишних вопросов, а лишь молча кивнул и провел её внутрь.

Её провели в просторную, богато обставленную гостиную, где пахло воском от множества свечей и какими-то сухими травами, разложенными в изящных фарфоровых вазах. Алиса села на краешек стула, сжимая в руках свою сумку, как спасательный круг. Она чувствовала себя самозванкой, актрисой, играющей чужую роль, но отступать было некуда. Мост позади был сожжен, и оставалось только идти вперед. Через несколько минут, показавшихся ей вечностью, в комнату вошел господин Блэквуд. Это был невысокий, полноватый мужчина с умными, пронизательными глазами, которые, казалось, видели человека насквозь, проникали в самую суть. Он окинул Алису оценивающим взглядом, задержавшись на мгновение на её простом платье и скрытом капюшоном лице, и она вдруг почувствовала, что её маскировка не так уж и хороша, что этот человек видит её насквозь.

— Леди Элизабет, — произнес он с легким поклоном, и в его голосе слышалась вежливая настороженность, смешанная с любопытством. — Чем могу быть полезен?

Алиса, стараясь говорить уверенно, не выдавая своего волнения, разложила перед ним свои работы. Она расстелила платок с райскими птицами, развернула накидку с виноградными лозами, показала кошелек с единорогом. Господин Блэквуд сначала смотрел на всё это с вежливым равнодушием, как человек, привыкший к тому, что ему приносят всякие безделушки, выдавая их за сокровища. Но постепенно его лицо начало меняться. Он наклонился ближе, взял в руки платок, поднес его к свету, рассматривая мельчайшие детали с прищуром знатока. Его брови поползли вверх, а в глазах зажглась та самая искра, которую Алиса так надеялась увидеть. Искра восхищения.

— Это... изумительно, — прошептал он, и в его голосе теперь звучало неподдельное, почти благоговейное восхищение. — Какая тонкость работы! Какая передача цвета! Я никогда не видел ничего подобного за все годы своей службы. Кто ваша мастерица, леди Элизабет? Назовите мне её имя, и я готов озолотить её.

Алиса, не ожидавшая такой реакции, на мгновение смутилась, почувствовав, как краска приливает к щекам. Она не привыкла к похвалам, не привыкла, чтобы её труд так высоко ценили.

— Это... это мои работы, — призналась она, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно и уверенно, хотя внутри всё дрожало от волнения и неожиданной радости.

Господин Блэквуд посмотрел на неё с ещё большим интересом. Его взгляд скользнул по её лицу, скрытому капюшоном, по её простому платью, по её рукам, на которых не было ни одного кольца, и в этом взгляде читалось неподдельное изумление.

— Вы — та самая мастерица? — переспросил он, недоверчиво покачивая головой. — Это поразительно. Просто поразительно. Я готов предложить вам очень хорошую цену. Королевский двор будет в восторге от таких изделий. Сама королева, я уверен, пожелает иметь нечто подобное.

Они начали торговаться. Алиса, не имея опыта в подобных делах, сначала робела, боясь назвать слишком высокую или слишком низкую цену. Но затем, видя, как горят глаза казна-

чая, как он жадно рассматривает каждую деталь её работ, осмелела. Она отстаивала свою цену, настаивала на том, что её труд стоит дорого, и в конце концов они сошлись на сумме, которая показалась ей невероятной, почти сказочной. Господин Блэквуд отсчитал золотые монеты, каждая из которых была тяжелой и полновесной, и сыпал их в кожаный мешочек, который протянул ей. Алиса взяла его, и её руки дрожали. Это были её собственные деньги. Заработанные её собственным трудом, её собственным талантом, её собственным упорством. Чувство было странным, пьянящим и в то же время пугающим. Она впервые в жизни держала в руках нечто, что принадлежало только ей, нечто, что она создала сама.

Она вышла из дома казначея, когда на город уже опустились сумерки. Снегопад, обещанный небом, начался. Крупные, пушистые хлопья медленно кружились в воздухе, застилая улицы белой пеленой, превращая город в некое подобие зимней сказки. Алиса прижимала к груди сумку с золотом, и её сердце переполняла смесь триумфа и тревоги. Она сделала это. Она доказала, что способна на что-то сама. Она больше не беспомощная кукла, не просто жена могущественного мага. Она — мастерица, чьи работы ценятся при королевском дворе. Но теперь ей нужно было незаметно вернуться домой, в свой ледяной особняк, и эта мысль немного омрачала её радость. Возвращение в заточение после вкуса свободы казалось особенно горьким.

Она шла быстро, стараясь не привлекать внимания, кутаясь в свой плащ. Улицы, ещё недавно полные народу, теперь опустели. Прохожие спешили укрыться от снегопада, торговцы сворачивали свои лавки, закрывая деревянные ставни. Город погружался в тишину, нарушаемую лишь шорохом падающего снега и отдаленным скрипом вывесок, качающихся на ветру. Алиса свернула в узкий переулок, чтобы сократить путь. Это было ошибкой. Ошибкой, которая едва не стоила ей всего.

Она не заметила, откуда они появились. Трое мужчин, одетых в темные, рваные одежды, возникли из тени, как призраки, как порождения самой тьмы. Они преградили ей путь, отрезав все возможные отступления, и в их глазах, тускло блестевших из-под капюшонов, Алиса увидела нечто, от чего её кровь похолодела в жилах. Это был голод. Голод алчности. Голод хищника, почуявшего добычу.

— Куда спешишь, красавица? — произнес один из них, растягивая слова, как будто смакуя их. Его голос был хриплым, прокуренным, отвратительным, и от него у Алисы по коже побежали мурашки. — Такая хрупкая леди, одна, в такую погоду... Не боишься замерзнуть? А может, мы тебя согреем?

Он засмеялся, и его смех подхватили остальные. Этот смех, грубый, похотливый, эхом отозвался в пустом переулке, ударившись о каменные стены и вернувшись к Алисе, как самое страшное эхо.

Алиса инстинктивно попятилась, но сзади её уже отрезали двое других. Она оказалась в ловушке, окруженная со всех сторон, без единого пути к отступлению. Сердце её бешено заколотилось, страх сжал горло ледяной рукой, лишая возможности дышать. Она крепче прижала сумку к груди, понимая, что именно она нужна этим людям. Именно золото, заработанное её трудом, стало её проклятием.

— Отдай, что у тебя там, и останешься цела, — произнес тот, что стоял ближе всех, и сделал шаг вперед. — Золото. Мы знаем, что оно у тебя есть. Мы видели, как ты выходила от казначея. Отдай его нам, и мы тебя отпустим. Не отдашь — пеняй на себя.

Алиса не могла пошевелиться. Её ноги словно приросли к земле, скованные страхом. Она смотрела на этих людей, на их лица, обезображенные алчностью, и понимала, что пощады ждать не стоит. Но отдать им золото — значит, признать своё поражение, снова стать беспомощной куклой, которую каждый может обидеть, снова вернуться к тому состоянию униженной зависимости, из которого она так отчаянно пыталась вырваться. Она не могла этого допустить. Это было бы предательством самой себя.

— Нет, — выдохнула она, сама поражаясь своей смелости. Это слово вырвалось из неё помимо воли, как крик души, как последний оплот сопротивления.

— Что? — нападавший, казалось, удивился. Он не ожидал сопротивления от такой хрупкой на вид женщины. Его брови поползли вверх, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на уважение, но оно тут же сменилось ещё большей злобой.

— Я сказала — нет, — повторила Алиса, и голос её дрожал, но в нём звучала стальная решимость, рожденная не столько храбростью, сколько отчаянием. — Это моё. И вы это не получите. Слышите? Вы не получите ничего.

Главарь рассмеялся, и его смех, холодный и жестокий, эхом отозвался в пустом переулке. Он сделал ещё один шаг вперед, и Алиса увидела в его руке тусклый блеск ножа — длинного, острого, хищно поблескивающего в свете луны. Страх захлестнул её с новой силой, парализуя волю, но она не побежала. Она знала, что бежать бесполезно. Они быстрее. Они сильнее. Они безжалостнее. Оставалось только стоять и молиться о чуде.

И в этот момент, когда все надежды, казалось, были потеряны, когда нож в руке нападавшего начал подниматься, воздух вокруг них резко похолодел. Это было не постепенное понижение температуры, не обычный зимний холод. Это был стремительный, всепоглощающий холод, который, казалось, высасывал сам воздух из переулка, замораживал саму жизнь. Снежинки, падавшие с неба, внезапно застыли в воздухе, превратившись в неподвижные ледяные кристаллы, висящие в пространстве, как призраки. Изо рта нападавших вырвались облачка пара, тут же замерзающие и оседающие инеем на их лицах, на их ресницах, на их волосах.

Они замерли, оглядываясь по сторонам с растущим ужасом, забыв и об Алисе, и о её золоте. Они почувствовали это. Присутствие чего-то нечеловеческого, могущественного, беспощадного. Что-то древнее, как сама зима, и такое же неумолимое. И затем он появился. Алиса не слышала шагов, не видела движения. Адам просто возник из темноты, словно соткался из самой метели, словно сама зима обрела плоть. Он стоял в начале переулка, и его фигура, закутанная в длинный плащ, казалась черным пятном на белом фоне, воплощением ночи среди снега. Его лицо было скрыто капюшоном, но глаза... Его глаза горели холодным, яростным огнем, от которого у Алисы перехватило дыхание. Это был не гнев. Это было нечто большее. Это была сама ярость стихии, сфокусированная на тех, кто посмел ей угрожать.

Он не произнес ни слова. Ни одного упрека, ни одного предупреждения. Он просто взмахнул рукой, и от его ладони в сторону нападавших полетели три тонкие ледяные стрелы, сверкающие в полумраке, как серебро. Они рассекли воздух с едва слышным свистом, остав-

ляя за собой шлейф из ледяной пыли, и поразили воров точно в ноги, по щиколотку, пригвоздив их к земле. Раздался хруст льда, за которым последовали вопли боли и ужаса. Нападавшие корчились, пытаясь вырваться, но их ноги были намертво вморожены в лед, сковавший их по самую щиколотку. Они были пойманы, обездвижены, нейтрализованы, превращены из хищников в беспомощных жертв.

Алиса стояла, не в силах пошевелиться, и смотрела на своего мужа. Его гнев был осязаемым, он вибрировал в воздухе, как натянутая струна, готовый в любой момент обрушиться на любого, кто посмеет приблизиться. Но этот гнев был направлен не на неё. Он был направлен на тех, кто посмел ей угрожать. И от этого осознания внутри неё что-то дрогнуло, что-то треснуло, как лед, сковавший её сердце. Он пришёл. Он пришёл за ней. Он спас её. Несмотря на все их разногласия, несмотря на холод между ними, он был здесь.

Адам подошел к ней медленным, уверенным шагом. Он не смотрел на воров, корчившихся на земле и выкрикивавших проклятия. Его взгляд был прикован только к ней. Он остановился в паре шагов, и Алиса увидела, как вздымается его грудь, как сжимаются его кулаки, как в его глазах, помимо гнева, горит нечто иное — тревога, страх за неё, заботливое беспокойство. Он был в ярости. Но вместо крика, вместо упреков, вместо вопросов о том, что она делала одна в городе, он сделал нечто совершенно неожиданное.

Он снял с себя свой тяжелый, подбитый мехом плащ и, шагнув к Алисе, накинул его на её плечи. Плащ был тяжелым, пахнущим зимним воздухом и чем-то едва уловимым, что Алиса всегда ассоциировала с Адамом — запахом мороза, чистоты и какой-то необъяснимой силы. От него исходил холод, но, как ни странно, Алисе стало тепло. Это было тепло от осознания, что он пришёл. Что он спас её. Что он, несмотря ни на что, был рядом, когда она нуждалась в нём больше всего. Это было тепло его защиты, тепло его заботы, и оно проникало в неё, растапливая лёд, скопившийся в её душе за эти три дня молчания.

Не говоря ни слова, Адам наклонился, подхватил её на руки, как пушинку, и понес прочь из переулка. Алиса обхватила его шею руками, прижимаясь к его груди. Его тело было холодным, словно выкованным из льда, но она чувствовала, как под этим холодом бьется его сердце. Медленно, упрямо, но живо. Она закрыла глаза, позволяя ему нести себя. Снег падал на её лицо, таял на ресницах, смешиваясь со слезами облегчения, которые она не могла сдержать. Воры остались позади, их крики постепенно затихли, поглощенные метелью, которая, казалось, усилилась, словно сама природа хотела скрыть следы этой сцены.

Она не знала, куда он её несет. Ей было всё равно. Впервые за долгие месяцы она чувствовала себя в безопасности. Впервые за долгие месяцы она ощущала, что не одна, что есть кто-то, кто защитит её от любой угрозы. И этот парадокс — холодный мужчина, несущий её домой, укрывая своим холодным плащом, но при этом дарующий ей такое тепло, — был самым странным и самым прекрасным чувством, которое она когда-либо испытывала. Тепло его защиты. Тепло его гнева, направленного против её обидчиков. Тепло его молчаливого, но такого явного присутствия.

Он нес её, и она чувствовала, как холод, исходящий от него, проникает в неё, но не обжигает, а как-то странно успокаивает. Это был не тот холод, что царил в их доме. Это был холод его магии, его сущности, который сейчас был направлен на её защиту. И именно поэтому он ощущался, как самое теплое объятие. Алиса прижалась к нему сильнее, вдыхая его запах, и поняла, что, возможно, она начинает понимать его любовь. Любовь, которая выражается не в

словах и не в страстных объятиях, а в молчаливом, ледяном спасении. Любовь, которая замораживает врагов, чтобы согреть её. Любовь, которая холодна снаружи, но невероятно горяча внутри. И это понимание, рожденное посреди снежной бури, на руках у её ледяного мужа, было для неё дороже всего золота мира. Оно было дороже всех её вышивок, всех её мечтаний о независимости. Потому что она поняла, что эта связь, эта незримая нить, протянувшаяся между ними сквозь холод и бурю, и есть то, что она искала все эти годы. И это было только начало.

Глава 4. Подарок не по размеру

После той ночи, когда Адам вынес её из заснеженного переулка на руках, Алиса ждала перемен. Она ждала их с тем трепетным, почти детским нетерпением, с каким ждут первого весеннего тепла после бесконечно долгой, выморозившей душу зимы. Она ждала, что лед, сковавший их отношения — тот самый метафорический лед, который, как она теперь понимала, был для Адама не просто поэтическим образом, а частью его существа, — даст трещину. Что молчаливое спасение, это неожиданное, выбивающееся из привычной канвы их холодного сосуществования проявление заботы, станет началом чего-то нового, живого, дышащего. Что он, наконец, заговорит. Объяснит.

Прижмет её к своей груди и скажет те самые слова, которых она так отчаянно ждала все эти месяцы, слова, способные растопить ледяную корку, наросшую на её сердце. Или хотя бы посмотрит на неё так, как смотрел тогда, в переулке, когда его глаза горели холодным, потусторонним пламенем, а руки, подхватившие её с мерзлой земли, были исполнены решимости, силы и чего-то, очень похожего на отчаянную, невысказанную, загнанную глубоко внутрь любовь.

Она представляла себе эту сцену снова и снова, прокручивая её в голове, как заезженную пластинку. Вот он входит в её комнату — нет, врывается, распахнув дверь, как делают герои в романах, которые она тайком читала в девичестве. Вот он опускается перед ней на колени, и его ледяные глаза, обычно такие пустые и отстраненные, наполняются теплом. Вот он берет её руки в свои — холодные, но такие надежные — и подносит к губам. Вот он говорит: «Алиса, я был глупцом. Я не понимал, какое сокровище держу в руках.

Прости меня». И она, разумеется, прощает, потому что любовь всё прощает, разве нет? Она всегда представляла, что любовь — это мост через любую пропасть, это лекарство от любых ран, это ключ к любой двери. Она выросла на этих представлениях, впитала их с молоком матери, с добрыми сказками няньки, с наивными стихами, которые переписывала в заветную тетрадь. И теперь, в замужестве, эти иллюзии разбивались о суровую реальность с той же неумолимостью, с какой волны разбиваются о прибрежные скалы.

Но чуда не произошло. Мир не перевернулся, небеса не разверзлись, и ледяной панцирь на сердце Адама не треснул с мелодичным звоном. Всё осталось на своих местах, погруженное в привычную, удушающую тишину. Адам доставил её домой молча. Он внес её в дом с той же бережной отстраненностью, с какой несут ценную, но бездушную ношу — старинную вазу, хрупкий музыкальный инструмент, музейный экспонат. Казалось, он боялся приложить слишком много силы, но не потому, что боялся причинить боль, а потому, что боялся сломать — как бояться сломать дорогую вещь, чья ценность измеряется не чувствами, а деньгами.

И в этом была вся трагедия их отношений: он обращался с ней как с драгоценностью, но не как с живым существом. Он опустил её на ковер в холле, поправил сползающий с её плеч плащ, коснувшись при этом её ключицы кончиками пальцев — холодными, как у покойника, и от этого прикосновения по телу Алисы пробежала дрожь, которую она не смогла сдержать. Но это была не та дрожь, что рождается от близости любимого человека. Это была дрожь от осознания, что между ними — пропасть, и эта пропасть с каждой секундой становится всё шире.

Он удалился в свою мастерскую, не проронив ни слова, ни звука, ни даже вздоха. Его шаги были такими же бесшумными, как падающий снег. Алиса стояла в оцепенении, прижимая к груди сумку с деньгами, вырученными за вышивки, и чувствовала, как вместе с порывом ледяного ветра, ворвавшегося в дом вместе с ним, уходит и её последняя надежда на близость. Она хотела поблагодарить его. Хотела спросить, как он нашел её. Хотела обнять. Но слова застряли в горле, как кость, а он исчез за дверью мастерской, отгородившись от неё привычной, непроницаемой стеной льда, за которой, как ей казалось, не было места ничему человеческому. Дверь закрылась за ним с тихим, окончательным щелчком, и этот звук отозвался в её сердце похоронным звоном. Вот и всё, подумала она. Вот и весь его ответ. Молчание — его единственный язык, и она, как ни старалась, не могла выучить его.

На следующее утро она снова нашла на туалетном столике кожаный мешочек с золотом. Он лежал там с таким видом, будто был там всегда, будто материализовался из самой ночи, как гриб после дождя. На этот раз мешочек был тяжелее обычного — монеты в нем ощущались более увесистыми, более плотными, словно он хотел вложить в это подношение всю тяжесть своей невысказанной вины. Алиса долго смотрела на него, не решаясь прикоснуться. Она стояла над ним, как над гробом, и в её голове роились мысли, одна горше другой. Этот мешочек, затянутый грубым шнурком, был его извинением.

Его единственным известным ему способом сказать: «Прости меня». Но этот способ, выразившийся в звонкой монете, казался ей теперь еще более нелепым, еще более чуждым, еще более оскорбительным в своей бездушной простоте. Неужели он думал, что золото способно загладить всё? Что оно может заменить слова, объятия, простое человеческое участие? Неужели он настолько не понимает её, настолько глух к её потребностям, настолько оторван от реальной жизни с её теплом и болью, что продолжает осыпать её деньгами, когда ей нужен всего лишь он сам — живой, говорящий, чувствующий?

Она вспомнила свою мать. Та всегда говорила, что мужчины выражают любовь по-разному: кто словом, кто делом, кто подарками. «Твой отец, — рассказывала мать, — за всю жизнь ни разу не сказал мне „я тебя люблю“. Но каждое утро, сорок лет подряд, он приносил мне из сада свежую розу, даже зимой, когда приходилось ходить за ней к знакомому садовнику за три квартала. Это и была его любовь — в этой розе, в этом ежедневном походе, в этом невысказанном постоянстве». Может быть, и Адам выражает свою любовь через золото? Может быть, этот мешочек — его роза? Но разница была в том, что роза её отца была живой, она пахла, она увядала, она требовала заботы и внимания. А золото — оно было мертвым. Оно не пахло ничем, кроме металла и кожи. Оно не требовало ничего. Оно просто лежало, тяжелое и безразличное, как камень. И в этой безразличности Алисе виделась вся суть их брака: он давал ей мертвые вещи, потому что не мог дать живого чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.